

ИВАН
ДАВЫДОВ

ПЯТИ
И ГОРОДА

ПУТЕВДИТЕЛЬ
ПО РУССКОМУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Individuum,
Москва,
2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Д13

Давыдов, Иван.

Д13 Люди и города. Путеводитель по русскому Средневековью / Иван Давыдов. — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 376 с.

ISBN 978-5-04-218848-0

Русскую историю часто представляют либо как череду завоеваний и побед, либо как бесконечную хронику насилия и угнетения. Но есть и другой взгляд. Герои этой книги — юродивые и святые, паломники и иконописцы, а также обычные люди, утверждавшие свободу и милосердие вопреки жестокости и равнодушию. Каждая глава соединяет судьбу и город: митрополит Филипп спорит с царем, Феврония переигрывает муромских бояр, Стефан Пермский учит терпимости к чужому, а Симон Ушаков ищет новый язык иконописи. «Люди и города» писателя, поэта и журналиста Ивана Давыдова — путеводитель по забытой допетровской Руси, приглашение в богатый мир древнерусской словесности и размышление о том, как оставаться человеком в бесчеловечные времена.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

© И. Давыдов, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022, 2026

ISBN 978-5-04-218848-0

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 7 *Предисловие*
Герои без лат
- 15 *Глава первая*
Новгород, история и сказка.
Митрополит Филипп
- 43 *Глава вторая*
Тверь, смешение времен.
Князь Михаил Ярославич
- 67 *Глава третья*
Москва, безумие и власть.
Столичные юродивые
- 97 *Глава четвертая*
Ростов Великий, свои и чужие.
Исидор Блаженный
- 123 *Глава пятая*
Муром, женское царство.
Феврония, Улиания
- 149 *Глава шестая*
Вологда и не только. Пределы
сострадания, Иосиф и Нил
- 173 *Глава седьмая*
Сергиев Посад, Испытание
верности. Максим Грек
- 201 *Глава восьмая*
Земли неведомые
и путь паломника.
Трифон Коробейников
- 223 *Глава девятая*
Великий Устюг, терпимость
к чужому. Стефан Пермский
- 247 *Глава десятая*
Углич, жертвоприношение. Иван
и Димитрий, убитые мальчики
- 273 *Глава одиннадцатая*
Время обыкновенного человека
- 309 *Глава двенадцатая*
Ярославль, пламя красок.
Симон Ушаков и Гурий Никитин
- 339 *Вместо послесловия*
Человек, который читал книги
- 343 *Благодарности*
- 345 *Три дневнерусских текста*
- 347 Слово о великом Иоанне,
архиепископе Великого
Новгорода
- 354 Повесть о Петре и Февронии
Муромских
- 367 Повесть о начале царствующего
града Москвы

ГЕРОИ БЕЗ ПАТ

Начать, наверное, следует издалека. И с обиды. История часто начинается с обиды. Помните, например, как Агамемнон обидел Ахиллеса и что потом было?

Итак. Это случилось давно, в другой стране, хотя и в этой же; так бывает, да и не надо здесь ничего объяснять, — взрослый человек сообразит — в маленькой сельской школе. Меня, второклассника, очень обидела учительница. Она заметила, что я смотрю в окно вместо того чтобы слушать ее мудрые речи.

— Давыдов, прекрати считать ворон! — сказала она.

И я обиделся. Не столько даже на нее, сколько на мир. Я ведь не считал ворон. Я даже в окно на самом деле не смотрел. Я только что начал читать очередную книжку, в которой сражались с кочевниками храбрые русичи, пылали города и лилась кровь. Герои гибли, спасая родину и произнося при этом эффектные речи. Теперь не вспомню, что это была за книга. Зато отлично помню картинку, предварявшую текст: два дружинника в доспехах и шлемах, один с копьем, а другой с луком.

Вот их-то я и видел тогда перед собой. Меня занимали их жизни. Я придумывал им новые приключения. Какие

вороны? При чем здесь вороны?! И главное-то, самое обидное заключалось в том, что я сообразил: учительница умная, хорошая, правильная. Но я не смогу ей ничего объяснить. Это просто невозможно объяснить. Бывают между людьми невидимые стены, которые не преодолешь.

Потом прошли годы. Я прочел некоторое количество книг посложнее. Думал о русской истории — здесь ведь это неизбежно: пытаясь понять настоящее, проваливаешься в прошлое, оно словно корнями тебя опутывает, пробуешь выбраться и не можешь выбраться, и даже разницу между прошлым и настоящим перестаешь ощущать.

Хотя почему — «здесь»? Это, наверное, везде так, но мы-то с вами здесь и слишком хорошо знаем, чем такое подземное путешествие меж корней может закончиться. Возможно, лучше других знаем, и это почему-то не радует.

Я, к сожалению, вырос, и совсем другие мысли занимают меня теперь. Придумывать новые приключения для нарисованных дружинников больше не хочется — хватает того, что успел узнать о старых. Зато хочется понять: есть ли шанс в пантеон исторических героев ввести не только воинов в латах? Не тех, кто сжигал города и крошил врагов. Попробую пояснить, почему это представляется мне важным.

Отрицать очевидное глупо: люди воевали всегда, много и, как бы это печально ни звучало, охотно. Тут никакой национальной специфики нет — есть, скорее, видовая. В нашей непростой истории (а у кого простая?) борьба с врагами не раз и не два оказывалась вопросом выживания. Из этой необходимости росло государство, привыкшее смотреть на подданных как на собственность: выживание того стоит. Государство выросло и до сих пор цветет.

Плохого не подумайте: я вовсе не собираюсь призывать вас вычеркнуть из истории героев в доспехах — тех, кто за родину бился и умирал. Я помню, как перехватывает дыха-

ние, когда читаешь в первый раз сталинградские страницы «Жизни и судьбы», например, или тот фрагмент «Сказания о Мамаевом побоище», где многоопытный воевода Боброк говорит князю Владимиру Серпуховскому, молодому и нетерпеливому: «Вот теперь — время!» И вылетает на поле Куликово засадный полк. «Соратники же, друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем; и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно». Конечно, помню, — такое, раз прочитав, уже не забудешь.

Я вообще ничего не призываю вычеркивать, я бы попробовал наоборот — обогатить. Есть одна проблема с историей, которая сплошь состоит из побед и одолений. Или нет, стойте, — с историей, которая сплошь состоит из побед и одолений, проблема своя: это просто вранье. В России поражений не стеснялись — для нас герои не только те, кто вошел в Берлин в сорок пятом, но и те, кто погибал в жутких котлах сорок первого. Не только воины Дмитрия Донского, но и воины Юрия Всеволодовича, сложившие головы под натиском монгольских полчищ Бурундая у реки Сити. Одна из самых красивых русских военных песен — про подвиг «Варяга», и вы отлично помните, наверное, чем там все кончается:

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу российского стяга...

Она еще и переведена с немецкого, кстати; но это другой разговор.

Но вот с историей, которая состоит в основном из воинских подвигов, тоже есть проблема. История — это люди. Живые люди. Нас вообще эти древние дела и занимают в основном потому, что мы видим — сквозь ворох летописей и сквозь пыль музеев — живых людей, которых пытаемся понять. У которых пытаемся учиться. Которых считаем своими. По-другому — просто неинтересно. И когда история рассказана хорошо — это ведь особый дар: требуется умение, чтобы рассказывать истории, — хочется себя делать если уж не прямо с этих живых людей, то как минимум с оглядкой на них. Наша история — и при Карамзине, и при Советах, и теперь — это воин в доспехах, который идет защищать родину. Идет убивать и умирать.

И вот здесь — ловушка: родина ведь не всегда нуждается в защите. Это начальнику, который охотно забывает, что лично он — еще не вся родина, удобно, чтобы подчиненный думал, будто в гибели за родину и состоит смысл его существования. В одном американском мультфильме родители создают для детей «клуб инвалидов и ветеранов будущих войн за рубежом». В России сейчас не очень хорошо с самоиронией, зато все хорошо с детскими клубами. Если история — это воин в доспехах, как у нас теперь, то даже и стараться незачем. Увлеченный человек сам себе придумает ситуацию, в которой опять надо убивать и умирать. И это станет реальностью, и для иной реальности просто не останется места.

Так ведь было всегда. Не было ведь ничего другого. Или мы их — или они нас. Есть герои, есть враги внешние, есть враги внутренние. С любыми врагами разговор короткий.

Неотразимая логика, да. Но ведь было. Было и другое. Великие наши писатели (хотел написать — «строем», но строй оставим для героев в латах, писатели — шумною толпой) тому порукой. Они — о любви, всегда о любви, даже

если к любви продираться приходится сквозь черный ужас бытия. Даже если чернота эта настолько густа, что ничего другого вокруг не видно. Да и среди живописцев славятся в первую очередь не мастера батальных сцен.

Все так, но важно, чтобы рядом с выдуманным князем Мышкиным стал в этот ряд человеколюбцев какой-нибудь настоящий живой человек. Такой же, как известные всем герои в доспехах, — в истории укорененный и земле нашей не чужой. Не Петр ведь привез гуманизм в Россию (Петр, кстати сказать, из английского своего путешествия привез гроб и палаческий топор — очаровали его эти добротные исполненные изделия). Я знаю таких людей. Я хочу рассказать вам о них.

Я нашел их в древнерусских книгах, и это тоже важно. У нас даже искренний любитель чтения древнерусскую литературу, как правило, знает плохо или не знает вовсе. Слышал что-то в школе про «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет», тем и удовлетворился. Все объяснимо: во-первых, чтобы понимать совсем древние памятники, надо учить язык. Даже и через язык поздних приходится прорубаться, как сквозь густые заросли, оставляя на сучках ключья мыслей. А во-вторых — и это, пожалуй, важнее — сам их строй, само мировоззрение сделались для нас чужими и непонятными. Как бы ни носились почвенники с русской особостью, сколько бы ни сочиняли чиновники бумаг о государстве-цивилизации, а в мозгах у нас именно те схемы, которые приволок из Европы Петр вместе с гробом и топором. Чтобы преодолеть непонимание, требуется усилие; человек же по природе ленив.

Это обидно. Древние русские книги — сразу и про особость, и про то, что мы — европейцы. И еще они — красивые, если научиться любить эту их красоту. Без них мы беднее и даже, возможно, глупее, чем могли бы быть. И в них

не прячутся, но ждут нас не только герои в латах. Еще и человеколюбцы — те, кто говорил не о смерти, а о жизни. Вот с ними я и предлагаю встретиться.

Речь дальше пойдет о героях без лат. И за каждым — город. Люди и еще люди. Город — это ведь не только скопление домов: это сеть судеб, такой, сказал бы я, интернет людей. Которые живут, созидают — и хотят на самом деле именно жить и созидать. Россию еще викинги прозвали страной городов, и не без причины. Большие старые города и маленькие города — тоже как люди, обросшие историями, как книги, которые ждут. Глядя в них, можно увидеть себя; если повезет, научиться себя любить — это важно. Есть у меня подозрение, что главная русская беда — не дороги, и даже не дураки. Главная русская беда — в отсутствии интереса к себе, отсутствию, из которого растет нелюбовь. А дальше уже под горку — отсюда и вечная неустроенность, и желание, о собственной жизни забыв, учить других, которое другим обоснованно кажется нелепым. И временами — опасным.

Пожалуй, пора трогаться в путь. В предстоящем путешествии последовательность городов и встреч определяться будет не географией и не хронологией, а, скорее, внутренними рифмами. Между историей и поэзией больше общего, чем современному человеку кажется (а вот древние это хорошо понимали). События и люди — тоже иногда рифмы. Постараюсь рассказывать так, чтобы вы эти рифмы уловили, но тут уж как пойдет — если что, не на свою глухоту пеняйте, а на неумение рассказчика.

Правда, дважды нам придется от этой схемы отступить — когда речь пойдет о паломниках, шедших на Афон, в Царьград и к Святой земле, и когда будем говорить о XVII веке, эпохе, превратившей в героя самого обыкновенного человека. Сами увидите — это оправдано логикой текста, если только в нем, конечно, есть хоть какая-нибудь

логика. И еще, чтобы не погружаться в споры о терминах, оговорюсь: словосочетания «древняя Русь», «средневековая Русь» и «допетровская Русь» я буду использовать как синонимы. Тут человек ученый, пожалуй, нахмурится недобро, но мы-то с вами люди простые.

И, прежде чем закончить с затянувшимся предисловием — последний должок. Надежда Ивановна, я больше за тех ворон не обижаюсь. Понимаю, вы этого никогда не прочтете, увы, но примите мои извинения за ту обиду. И вместе со всеми другими учителями, которые мне на пути встречались, — искреннюю благодарность за то, что научили читать. И речь, конечно, не про буквы.

Всё, довольно, в дорогу — нас ждет Новгород.

НОВГОРОД,
ИСТОРІЯ И СКАЗКА

МИТРОПОЛИТ
ФИЛИПП